

ПРАВОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЕКТОРЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Алексей Игоревич Овчинников^{1, 2}

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, k_fp3@mail.ru

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты воздействия права на цифровую экономику и цифровую модернизацию общества и государства. Анализируется роль правового стимулирования в развитии экономических моделей цифрового общества, рассматриваются некоторые риски и угрозы цифровизации, выявляются условия и направления дальнейшего цифрового развития общества и государства с помощью механизма правового регулирования.

Ключевые слова: цифровая экономика, правовая политика, модернизация права, правовое стимулирование, приоритеты правового развития, искусственный интеллект, цифровое право

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

Для цитирования: Овчинников А. И. Правовое стимулирование развития цифровой экономики: векторы и приоритеты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 15–24. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-15-24>.

Problems of Ensuring Unity and Harmony in Russian Society

Original article

LEGAL INCENTIVES FOR THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY: VECTORS AND PRIORITIES

Aleksey I. Ovchinnikov^{1, 2}

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, k_fp3@mail.ru

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article examines some aspects of the impact of the law on the digital economy and digital modernization of society and the state. The role of legal incentives in the development of economic models of a digital society is analyzed, some risks and threats of digitalization are considered, conditions and directions for further digital development of society and the state are identified using the mechanism of legal regulation.

Keywords: digital economy, legal policy, modernization of law, legal incentives, priorities of legal development, artificial intelligence, digital law

Financial Support: Article prepared with financial support of RFFI grant No. 19-011-00820 (a) "Legal policy of the Russian state, its priorities and principles in the digital economy and digital technological order: conceptual, methodological, sectoral aspects of digitalization of law and legal regulation".

For citation: Ovchinnikov A. I. Legal incentives for the development of the digital economy: vectors and priorities. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(4):15–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-15-24>.

Введение

Цифровая экономика постепенно становится основным трендом в развитии основных сфер общественной жизни: политики, права, образования, здравоохранения, культуры и др. Еще десять лет назад цифровые потоки не оказывали существенного влияния на рост ВВП, в то время как сегодня они влияют на ВВП больше, чем многовековая торговля товарами. При этом существенно увеличивается глобальная составляющая экономического взаимодействия. Цифровизация экономики позволила компаниям выходить на международные рынки с менее капиталоемкими бизнес-моделями, однако она же создает новые риски и политические проблемы [1]. Десятки миллионов малых и средних предприятий во всем мире превратились в экспортеров, присоединившись к таким рынкам электронной коммерции, как Alibaba, Amazon, eBay, Flipkart и Rakuten и уже 12 процентов мировой торговли товарами осуществляется через международную электронную торговлю. Независимо от объема стартового капитала бизнес легко становится глобальным: сотрудничество и торговлю в глобальном масштабе осуществляет 86 процентов технологических стартапов, как указывается в вышеназванном докладе.

Глобализированное цифровое общество рождает инновационные стратегии управления, сферы и тенденции развития культуры, экономики, права, торговли, и даже мышления. И не всегда эти стратегии будут приводить к положительным для человека и государства итогам. В тоже время, отсутствие стратегического планирования в отношении инновационных моделей социально-экономического развития существенно повышает риски и угрозы стабильного и устойчивого развития общества. Для этих целей в правовой политике государства с помощью приоритетов выстраивается четкая система воздействия на развитие основных институциональных структур, стимулирующих эволюцию цифровой экономики.

Сложная эпидемиологическая ситуация усугубляет социально-экономические проблемы, связанные с формированием требуемой модели цифровой экономики, с цифровизацией общественной жизни, по сути трансформируя весь спектр отраслевых и региональных взаимодействий. В условиях долгосрочных вирусных пандемий, введения режимов самоизоляции или карантинных мер, оценка потенциала цифровизации социально-экономических процессов в отраслевом и региональном разрезе, выработка универсальных методологических принципов регулирования общественных отношений выступает актуальной фундаментальной исследовательской задачей, решение которой направлено на выявление и обоснование системных принципов эффективного взаимодействия государства, бизнеса, социальных институтов и населения на цифровой основе, образующих методологическую основу формирования и реализации эффективной экономической политики.

Право и стимулирование цифровой экономики

Право давно некоторыми исследователями рассматривается в качестве мощного средства стимулирования экономических процессов [2–4]. С помощью правовых средств вполне возможно добиться улучшения инвестиционной привлекательности экономики страны, освободиться от сырьевой модели ее развития, существенно повлиять на улучшение организационной, финансовой, информационной ее составляющей. Через налоговые льготы, рациональное проектирование протекционистских мер, разработку финансово-правовых механизмов оптимального кредитования можно добиться ее существенного улучшения. При этом необходимо определиться со степенью участия государства в стимулировании развития цифровой экономики, так как заурегулированность, нормативная избыточность и поспешность правовых решений может рассматриваться как серьезная помеха социально-экономическому развитию. С другой стороны, либерализация регулирования цифровой экономики угрожает традиционному государству постепенным переносом публичной власти в пользу цифровых гигантов, интегрирующих не только информационные сервисы, но и финансы: СБЕР, Google, Apple и др. Цифровые валюты, контроль над «большими данными», выполнение ряда дополнительных функций в сфере цифровизации образования, науки, медицины, позволят транснациональным корпорациям создавать новое политическое пространство и контролировать его. Известный футуролог Рэй Курцвейл, один из создателей Университета сингулярности, указывает: «Мы уже фантастически взаимосвязаны. Национальные государства — это больше не острова. Мы стали гораздо более глобальным обществом. Растущее сегодня поколение ощущает себя гражданами мира, потому что они общаются с людьми по всему миру, и их это не удивляет» [5]. Впрочем, цифровая глобализация в этой части лишь продолжает тенденции экономической глобализации.

Понятие национального государства скоро будет неактуальным, полагает достаточно большое число исследователей, полагающих, что цифровизация неизбежно устраняет границы между государствами и выявляет проблемы избыточных бюрократических барьеров в коммуникации и научном прогрессе, общении и внедрении инноваций [6]. Однако существует и иной взгляд: цифровая глобализация усиливает тенденцию к укреплению этнокультурной идентичности [7].

Между тем, пока именно государство создает все условия для правового стимулирования цифровой экономики. Особенно важным оказался данный подход в условиях пандемии, когда цифровая экономика проявила свою значимость и актуальность для развития образования, здравоохранения, культуры, общественного питания, реализации различных функций государства. Стало очевидным, что без инновационных стратегий развития цифровой экономики с помощью правовых средств дальнейшее развитие страны вряд ли возможно. После пандемии необходимы срочные меры поддержки экономики стран, в том числе посредством правового стимулирования формирования ее инновационных моделей, подготовки к новым эпидемиям и пандемиям.

Следует отметить, что далеко не всегда исследователи обращают внимание на стимулирующий метод воздействия права на общественные отношения, концентрируя свое внимание на императивные и диспозитивные методы правового регулирования. Очень редко признается необходимость правовых способов и форм стимулирования хозяйствующих субъектов и формирования запроса на инновационные модели развития не только в существующих основных отраслевых секторах экономической системы, но и в проектируемых отраслях российской экономики. Слабо разработана концептуальная и методологическая база исследования правовых стимулов в механизме правового регулирования и правового воздействия на все сферы общественной жизни, как экономической, так и иные. Отсутствует ясность в инструментальных аспектах стимулирования цифровой экономики, инновационной экономической деятельности с помощью правовых средств. Не разработаны и правовые режимы регулирующие экономические процессы в условиях пандемии, требует анализа и разработки правовая база стимулирования инвестиционной привлекательности наукоемких и высокотехнологичных отраслей. Правовые меры поддержки различных моделей государственно-частного партнерства, а также правовое обеспечение инновационных прорывов в условиях оптимальных и рациональных моделей интеграции государственного стимулирования и рыночных регуляторов требуют срочной разработки.

В качестве решения задач правового стимулирования инновационной деятельности в сфере цифровой экономики необходима разработка основных положений стратегии правового стимулирования цифровой экономики с учетом текущей ситуации с коронавирусом, в условиях долговременных пандемий и эпидемий; поиск и разработка мер правовых механизмов, обеспечивающих разные формы финансовой поддержки инновационным предприятиям с помощью норм налогового законодательства; формирование новых форм инновационных кредитных стимулов; правовых моделей особых инновационных экономических зон; правового развития международного макроэкономического сотрудничества как на региональном уровне – в рамках ЕврАзЭС, так и глобальном в рамках БРИКС; правового воздействия на осуществление структурных экономических трансформаций, модернизации и инноваций в деятельности предприятий, их стимулирования и поддержки посредством законодательства о науке и научно-технической политике; создание оптимальных правовых условий для вывода на мировой рынок конкурентоспособной инновационной продукции российских производителей; улучшение и повышение качества жизни населения в рамках развития стандартов Умных городов; достижение экономического роста с использованием технологий Больших данных; стимулирования цифровых технологий в сфере оказания образовательных услуг; развитие конкурентоспособной и фундаментальной науки, образования, культуры; построения новых стратегий и приоритетов правовой политики государства для обеспечения обороны и безопасности страны посредством стимулирования государственно-частного партнерства. Важным ориентиром исследовательского внимания следует считать акцент на постпандемическое развитие законодательства России в сфере цифровой экономики, на разработку правовой стратегии формирования цифровой экономики в контексте опыта коронавирусной эпохи.

При этом следует учесть целый ряд обстоятельств. Транзитивное состояние современного российского общества, обусловленное динамичным развитием и использованием информационно-коммуникационных технологий, сформировало ряд принципиальных вызовов для традиционных подходов в правовом регулировании. Эти вызовы инициировали высокую полемическую активность в научной среде, дискуссии о необходимости изменений механизмов правового регулирования, их адаптации к новым условиям информационного общества, нарождающихся специфических социальных, политических и экономических общественных отношений, не имеющих аналогов в физическом мире. Тем не менее, острой необходимости фундаментального осмысления и практических разработок легализации ранее наработанного опыта саморегуляции цифровых экономических отношений не наблюдалась, и Россия опаздывала по данным разработкам, по разным оценкам от 7 до 10 лет от фундаментальных исследований до конкретных законодательных решений. Между тем, ситуация резко изменилась в контексте нового вызова международной биологической безопасности, в виде новой мутирующей формы коронавируса под кодовым названием Covid-19. Новая форма вируса, обладающая высоким уровнем токсичности, привела к мировой пандемии и обьективной необходимости ограничения личных контактов людей (введения карантинных мер). Однако ограничительные меры, сопряженные с ограничением привычных форм личной коммуникации, повлекли колоссальный экономический ущерб обществу, и, как следствие, могут привести к серьезным социальным и политическим последствиям. Все это актуализировало необходимость разработки системных подходов к правовой институционализации цифровых (не контактных) форм коммуникации субъектов правоотношений в сфере экономики, резко сместив акценты в область информационного общества.

В тоже время, существующая правовая доктрина по-прежнему плохо адаптирована к специфическим конструкциям общественных отношений информационного общества. Так, например, действующая правовая конструкция персональных данных (как элемент института неприкосновенности частной жизни), требующая обязательного согласия человека вступает в противоречие с технологиями телемедицины, обработкой big data в медицинских целях, в том числе для отслеживания динамики, не фиксируемых официально заболеваний в период пандемии. Очевидно, что в условиях долгосрочных пандемий требуется и пересмотр ранее отвергаемых классической правовой доктриной институциональных конструкций, определяющих порядок взаимодействия субъектов гражданского оборота, начиная от цифровых форм завещаний, виртуальных объектов гражданских прав, и заканчивая обеспечением удаленных форм организации гражданского и арбитражного процесса в судах.

Следует также учитывать, что политика стимулирования цифровой экономики определяется, в том числе, созданием благоприятных условий правового регулирования информационного пространства. Она должна быть основана на принципах, требующих концептуальной и методологической проработки: правовой защищенности экономических отношений, доступности такой защиты, исключения административных барьеров, соответствия правовых механизмов сложившимся экономическим порядкам, правовой вариативности (превалированием диспозитивного метода правового регулирования, над императивным стандартом), применением юридических санкций (корректное определение их форм, объема) с учетом специфики информационной инфраструктуры, законных интересов третьих лиц и т.п.

Современный период пандемии со всей отчетливостью показал, что человеческая деятельность разворачивается на фоне более широком, чем социальный контекст или институциональные рамки политического, правового, экономического порядков. Социальная активность тесно соседствует с активностью и стратегиями цифрового развития, имеющего свои закономерности (алгоритмические, ресурсные, «кодовые»), а также стратегиями развития биологических актантов, т.е. действующих и оказывающих влияние на активность и стратегии развития как цифровой, так и социальной реальности. Примечательно, что в период пандемии, стратегия развития самого вируса Covid-19 является ключевой/определяющей для траектории развития цифровой экономики (активизировали и ориентировали развитие разнообразных цифровых форм и способов социально-экономического в конкретные направления).

Системный анализ происходящих в период пандемии процессов позволяет заключить, что государственно-правовое и социально-экономическое развитие кардинально меняет траектории развития многих сфер жизнедеятельности общества, и главным образом, меняет способ нашего мышления и практик взаимодействия.

Научно-технический прогресс последнего десятилетия, внедрение информационных технологий имеет определяющее значение для современного общества, экономики, государства. Право, как регулятор общественных отношений, должно своевременно и адекватно отражать потребности и вызовы современного прогресса, создавать основу и возможности для его дальнейшего развития. Важнейшей задачей представляется, при этом, пересмотр устоявшихся правовых концепций в сфере экономических отношений, в вопросах права интеллектуальной собственности, международно-правового взаимодействия, цифровой безопасности, электронной коммерции и торговли, цифровых валют.

Среди задач права в названной области можно выделить как формирование концептуального подхода к внедрению информационных технологий во все сферы общественных отношений, определение целей, задач и принципов такого внедрения, так и создание точных и универсальных норм, оформляющих технические достижения, рассчитанных на неограниченное количество случаев применения, максимально адаптированных под нужды такого применения в конкретной области, обеспечивающих равенство возможностей при использовании информационных технологий всеми участниками правоотношений и безопасность граждан, государства, полноценную реализацию прав и свобод человека, гарантированных международными актами.

Нормативные акты в сфере цифровой экономики

Необходимо признать, что нормативное регулирование использования информационных технологий находится сейчас на начальном этапе: определяются лишь наиболее общие цели внедрения на уровне программных актов и разрозненно устанавливаются отдельные положения в отраслевом законодательстве. Право предсказуемо отстает от стремительного развития информационных технологий, не являясь в силу объективных причин источником технического прогресса как такового. Впрочем, так и должно быть: право всегда закрепляет наиболее значимые нормы поведения, важность которых может быть понята только спустя определенное время. Кроме того, выработка адекватных форм нормативного закрепления и адаптации технических достижений в рамках правоприменения требует времени и специальных познаний, координации усилий как правоведов, так и ученых-представителей технических специальностей.

На современном этапе развития нашего государства основные направления цифровой экономики регулируются следующими нормативными актами, официальными документами и программами. Среди них Постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 "О системе управления реализацией национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации", паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"¹, а также паспорта шести федеральных проектов: "Кадры для цифровой экономики"², "Нормативное регулирование цифровой среды", "Цифровое государственное управление" и "Цифровые технологии", "Информационная инфраструктура"³.

Важную роль играют также такие документы, как Государственная программа Российской Федерации "Информационное общество", предназначенная для повышения качества жизни и работы граждан, улучшения условий деятельности организаций, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации и Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы⁴. В них определены цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики

¹ Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7)

² Паспорт федерального проекта "Кадры для цифровой экономики" (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 N 9).

³ Федеральные проекты "Нормативное регулирование цифровой среды", "Цифровое государственное управление" и "Цифровые технологии", "Информационная инфраструктура" URL : <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 15.06.2020)

⁴ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 313 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"; Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации"; Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы".

Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, необходимых для становления и развития цифрового общества и государства, основные направления формирования национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов.

Для стимулирования развития цифровой экономики важен также Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года", где одной из национальных целей является "Цифровая трансформация"¹. Постановлением Правительства РФ от 02.03.2019 N 234 (ред. от 21.08.2020) "О системе управления реализацией национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" утверждено "Положение о системе управления реализацией национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации".

В Гражданском кодексе РФ появились новые институты и новые понятия. Так, введено понятие «цифровые права» (ст. 141.1 ГК РФ). Далее, приняты федеральные законы от 2 августа 2019 г. N 259-ФЗ "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". Законодательство активно развивается, что вызывает не только положительные, но и отрицательные оценки.

Нужна ли российской системе права отрасль «цифрового права»?

В целях дополнительного правового стимулирования цифровой экономики некоторые авторы предлагают разработку и признание новой отрасли системы права – «цифрового права». Они полагают, что право стоит на пороге перемен под влиянием технологического фактора. И прежние характеристики права, среди которых системность, санкционированность государством и т.д. в цифровую эпоху меняют свое значение. Якобы «мы являемся свидетелями формирования новой отрасли права - цифрового права» [8].

Такой подход вступает в противоречие с процессом цифровизации всей правовой системы. Ведь сами же авторы утверждают: «Процесс формирования новой отрасли цифрового права фактически и представляет собой "цифровизацию" права, которая будет иметь постоянную тенденцию к увеличению» [8, с. 10]. Но в таком случае, по мере проникновения цифровых технологий в различные сферы общественной жизни, все отрасли права превратятся в цифровое право. Тогда зачем нужна дополнительная отрасль цифрового права?

Мы не можем согласиться с тем, что данная отрасль права необходима: цифровизация затронула каждую отрасль права, поэтому вся система права имеет тенденцию стать в определенном смысле цифровой. Кроме того, специфика предмета и метода правового регулирования внутри каждой отрасли права должна быть сохранена и в процессе цифровизации общественных отношений различного рода. Как справедливо отмечает В.М. Кукшкин: «Нужно постараться избежать формирования так называемого цифрового права и законодательства, очередной псевдоотрасли права. Каждая группа современных, пусть "цифровых", отношений вполне может и должна регулироваться сложившимися отраслями права - тогда будут соблюдаться принципы каждой отрасли и конкуренция при наличии качественного нормативного регулирования будет сведена к минимуму» [4].

Формирование особой отрасли права – цифрового права, не вполне уместно еще и потому, что специалистами в этой области являются, как правило, люди не с гуманитарным, а техническим образованием. Их правосознание деформировано логицизацией и математизацией человеческих отношений, технократическими установками в восприятии правового регулирования общественных отношений и государственного управления. Сохранение устоявшихся отраслевых структурных единиц российской системы права и регулирование вопросов цифровизации отраслевых правоотношений внутри отрасли следует признать более оптимальным для правовой системы вектором цифровизации. Отраслевые правовые институты возникали в результате длительного периода «борьбы за право» (Р.Иеринг), их контекстуальное влияние внутри отраслевой правовой политики невозможно переоценить. То же самое следует сказать и об отраслевых принципах правового регулирования, направляющих процесс модернизации права внутри отраслевых норм в соответствии с особенностями отраслевого

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года".

правового регулирования. Такого влияния отраслевых принципов права на процесс цифровизации правовой системы в случае становления особой отрасли цифрового права не будет.

Искусственный интеллект и механизация права: очередной вызов «искусству добра и справедливости»?

Цифровизации подвержены не только экономические отношения, но и само права, включая правосудие. Это направление в современной цифровой экономике называется Legal Tech (Law Tech). Следует отметить, что в основе технизации права лежит давняя мечта об объективности в правосудии, правовом мышлении, о поиске справедливости и истины в правосудии. В Новое время к этой мечте добавилась установка на рационализм и математизацию мира: под влиянием успехов точных естественных наук методы геометрии и алгебры используются для изучения права, так возникает «юриспруденция понятий». Данное направление разрабатывалось с помощью геометрических и математических моделей в правоведении известным ученым Лейбницем. Именно ему обязана своим появлением правовая комбинаторика, которая в правоведении стала использоваться для создания безупречной системы не противоречивых норм. Лейбниц написал докторскую диссертацию на тему «О запутанных судебных случаях» (*De asibus perplexis in jure*), «распутывать» которые и не допускать впредь мыслитель предлагал с помощью математически и дедуктивно безупречной системы правовых понятий и норм.

Так в правовое мышление постепенно внедрялись естественнонаучные представления о мире: отсюда большое количество «технических» понятий в теории права. Понятия «механизм», «функция», «система», «модель», «синергия», «дедукция» и прочие стали использоваться для описания правовой реальности, перестраивая и технизируя право, усиливая издревле присущий правовому мышлению позитивизм. В результате право перестало восприниматься как «искусство добра и справедливости», превращаясь в инструкции построения оптимального социального порядка, механизм социального контроля (Р. Паунд). В восприятии права как рациональной инструкции по построению идеального, с точки зрения буржуа, общества были заинтересованы и идеологи либерализма, защищая принцип монополии законодательной власти в лице парламента на законотворчество.

Преобладание формальной рациональности в правосудии над ценностной рациональностью стало доминирующим трендом в правовом мышлении XX столетия. Формализация права и механистический позитивизм постепенно превратили процесс поиска справедливости в нечто аналогичное производству, в алгоритм. В результате то, ради чего создавалось процессуальное право – справедливость, уступило место «законности», часто понимаемой как соблюдение всех инструкций и процедур, необходимых для отправления правосудия. Тем самым, правоведы подготовили почву для правовой кибернетики, которая с середины XX века пытается вытеснить гуманитарную составляющую из юриспруденции, заменив ее логикорассудочным знанием и математическими моделями, описывающими поведение людей.

Культ естествознания привел еще и к реификации – отчуждению и овеществлению мира политики и права, социальных отношений и общественных связей, что усугубило тенденции математизации правовой реальности. Если в экономики расчет прибыли стал критерием правильности поведения, то в правоведении безупречное законодательство, минимизирующее усмотрение правоприменителя, стало рассматриваться в качестве идеала и цели юридической доктрины.

Все эти процессы дополнены сегодня попыткой цифровизации права и математизации правоприменения с помощью искусственного интеллекта, дальнейшего применения математической логики к правоведению, механизации права. Но всем очевидно, что ни один закон, ни одна инструкция не в силах предвидеть бесконечное разнообразие жизненных ситуаций. Пока существует человеческая свобода прогнозирование и предвидение всех ситуаций невозможно. Искусственный интеллект не обладает важнейшими характеристиками мышления и речи человека – контекстуальностью, интуитивностью, эмоционально-волевой составляющей, свободой выбора суждений и творчества. Кроме того, логицировать принципы права невозможно, как обречены на провал и попытки разработать беспробельную систему правовых норм, предусмотрев все возможные случаи применения.

В этом смысле тревоги напрасны: никогда цифровые алгоритмы и программы не вытеснят человека. Нельзя не поддержать следующее высказывание одного из противников

замены человека роботом-судьей: «Полная механизация права невозможна до тех пор, пока сохраняется человеческое общество, в котором люди наделены свободой воли и могут действовать нелогично или против правил. Призывать к механизации права - значит требовать уничтожения этого общества и перехода к цивилизации машин. Но это не означает, что нужно отказаться от использования машинных технологий в юриспруденции при условии, что именно последняя будет занимать центральное место, играть ведущую роль. Механизация - это вспомогательный прием, который позволяет праву достигать своих целей, а не господствующий принцип, при помощи которого мы должны перестроить право» [9].

Конечно представить себе полностью предсказуемое общество биороботов возможно, достаточно сравнить «общество потребления» и средневековое общество. Все утопии строятся на идее минимизации человеческой свободы и стандартизации мышления. Если биологическая составляющая будет преобладающей, то поведение человека легко предсказывать. Такое может произойти только в том случае, если сбудется прогноз Герберта Маркузе об «одномерном человеке», все действия и цели которого легко просчитать и предвидеть в силу их примитивности и калькулируемости в «обществе потребления». Превращение человека в товар и отчуждение его от значимых сфер общественной жизни действительно является вызовом для человечества в эпоху модерна и постмодерна. Но до этого еще далеко, более того, цифровизация усиливает обмен информацией и позволяет сохранить образование на высоком уровне, но только в одном случае: если «цифра» остается лишь вспомогательным средством, облегчая передачу информации.

Таким образом, следует исключить попытки замены человека в правосудии и правоприменительной деятельности, сохранив при это искусственный интеллект в качестве вспомогательного механизма, инструмента разгрузки при выполнении рутинных процедур в правоприменении.

Вызовы и риски цифровой модернизации права

Среди опасностей и рисков цифровизации следует выделить следующие: оборот персональных данных, их утечка и использование в преступных целях, а также в целях контроля над обществом со стороны элит; нарушение неприкосновенности частной жизни в результате внешнего наблюдения над человеком; «цифровой разрыв» между различными слоями населения и даже регионами в плане доступа к цифровым благам; неспособность большинства населения использовать цифровые технологии и низкий уровень цифровой грамотности населения; дополнительные финансовые расходы, связанные с приобретением новых устройств; замена правоприменителя роботом; манипулирование сознанием с помощью цифровых медиаресурсов и социальных сетей и др. [10].

В июле 2019 г. Комитетом Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект "О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)", который предлагает определить инфраструктуру цифрового профиля гражданина¹. Он подготовлен в соответствии с пунктом 1 Перечня приоритетных законопроектов, утвержденным протоколом совещания у Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации М.А. Акимова от 14 сентября 2018 г. В тексте определены такие понятия как: идентификация, аутентификация, цифровой профиль, а также их законодательное закрепление. В нем же описан правовой институт цифрового профиля и его регулирование, включая полномочия Правительства по определению порядка получения и предоставления сведений с использованием цифрового профиля. Согласно Пояснительной записке реализация закона не потребует дополнительных расходов. Между тем, мероприятия, направленные на обеспечение безопасности хранения персональных данных, как известно, требуют огромных затрат. По всей видимости, они не запланированы в данном законопроекте. Поэтому опасения относительно сохранности информации и цифровой безопасности не напрасны.

Другим аспектом цифровой безопасности следует признать защиту традиционных и общечеловеческих ценностей. Согласно ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г.

¹ Проект Федерального закона N 747513-7 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)" (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 05.07.2019).

№ 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (в редакции от 18.03.2019) Роскомнадзор (федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций) в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, информационных материалов иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации, сведений, позволяющих получить доступ к указанным информации или материалам, включая случай поступления уведомления о распространяемой с нарушением закона информации от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций или граждан, вправе ограничить доступ к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию, то есть заблокировать ее.

Подобные ограничения, как показывают участвовавшие случаи «колумбайна», подросткового суицида, разного рода провокаций крайне важны. Между тем не все правоведы с этими ограничениями согласны. Например, по мнению Р.М.Дзидзоева, подобные ограничения, допускающие блокировку сетевого издания, явно противоречат ч. 5 ст. 29 Конституции РФ, согласно которой цензура массовой информации запрещается [11].

Однако с ним нельзя согласиться, так как ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, предоставляет возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в конституционно значимых целях (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья и др.). Кроме того, следует обратить внимание на п.2 ст.29 Конституции РФ: «2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Так что блокировка информации, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения и другим объектам, и которая вполне может быть отнесена к информации, возбуждающей социальную вражду, вполне конституционна.

Список источников

1. McKinsey Global Institute. Digital Globalization: the new era of global flows. Executive Summary, march 2016. URL: <http://www.mckinsey.com>
2. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А. В. Белицкая, В. С. Белых, О. А. Беляева и др.; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.
3. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 224 с.
4. Кукушкин В. М. Некоторые дискуссионные вопросы правового регулирования цифровой экономики в России // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 25 – 33; 2021. № 1. С. 36 – 42.
5. Антропологический выпуск №2. Четвертая промышленная революция – обзор книги Клауса Шваба. URL: <https://bogoslav.ru/event/5624704> (дата обращения: 11.04.2021).
6. Мельков С. А. Салтыкова М. В., Лябах А. Ю. «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1. С. 76-92.
7. Abramovich, S., Wardrip, P. S. (2020) Can digital badges strengthen religious ethnic-cultural identity in a religious education setting? // British Journal of Religious Education. Vol. 42. Issue 3. pp. 338-349. DOI: 10.1080/01416200.2019.1626219
8. Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5–14. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-5-14

9. Иванов А.А. О глубине механизации права // Закон. 2018. N 5. С. 35 - 41.
10. Алешкова И.А., Молокаева О.Х. Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 8. С. 41 - 45.
11. Дзидзоев Р.М. Конституционное право в информационном и цифровом пространстве России // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 10. С. 21 - 22.

References

1. McKinsey Global Institute. Digital Globalization: the new era of global flows. Executive Summary, march 2016. Available from: <http://www.mckinsey.com>
2. *Legal regulation of economic relations in modern conditions of digital economy development*: monograph. A.V. Belitskaya, V.S. Belykh, O.A. Belyaeva et al.; V. A. Vaypan, M. A. Egorova (eds.). Moscow: Yustitsinform, 2019. 376 p. (In Russ.)
3. Churilov A. Yu. *Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges of the XXI century*: monograph. Moscow.: Yustitsinform; 2020. 224 p.
4. Kukushkin V. M. Some controversial issues of legal regulation of the digital economy in Russia. *Entrepreneurial Law*. 2020;(4):25 - 33; 2021;(1):36-42.
5. Anthropological issue №2. The fourth industrial revolution - a book review by Klaus Schwab. Available from: <https://bogoslav.ru/event/5624704> (date of access: 11.04.2021). (In Russ.)
6. Melkov S. A. Saltykova M. V., Lyabakh A. Yu. "Digital nomads": problematization of the appearance and influence on the development of modern society. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2019;(1):76-92. (In Russ.)
7. Abramovich, S., Wardrip, P. S. (2020) Can digital badges strengthen religious ethnic-cultural identity in a religious education setting? *British Journal of Religious Education*. Vol. 42. Issue 3. pp. 338-349. DOI: 10.1080 / 01416200.2019.1626219
8. Belykh V. S., Bolobonova M. O. Concept, meaning and development trends of digital law. *Lawyer*. 2020;(1): 5-14. DOI: 10.18572 / 1812-3929-2020-1-5-14 (In Russ.)
9. Ivanov A. A. On the depth of mechanization of law. *Zakon*. 2018; (5):35-41. (In Russ.)
10. Aleshkova I. A., Molokaeva O. Kh. Dangers of digital development of law: obvious, hidden, imaginary. *Constitutional and municipal law*. 2019;(8):41-45. (In Russ.)
11. Dzidzoev R. M. Constitutional law in the information and digital space of Russia. *Constitutional and municipal law*. 2019;(10):21 22. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Овчинников – докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ; профессор кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХ и ГС.

Information about the authors

A. I. Ovchinnikov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law; Professor of the Department of Theory and History of Law and State.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 20.11.2021; approved after reviewing 05.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.